

Виктор Брусницин

Неизвестная гастроль Владимира Высоцкого

Виктор Михайлович Брусницин

Неизвестная гастроль

Владимира Высоцкого

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29821736

SelfPub; 2018

Аннотация

Неизвестный публике случай, когда в результате вынужденной посадки самолета Владимир Высоцкий с коллегами попал в некое уральское село, и приключения, что произошли в течение трехдневного пребывания поэта здесь.

История имела место в шестьдесят девятом году. Стояло отличное, с грозами, продуктивным теплом, лето. В некоей глухой уральской деревне – не станем продавать, иные участники событий живы – шла веселая страда. Агафья Макаровна, гражданка за шестьдесят, предкрайняя изба по главной улице, идя к колодцу и привычно окидывая равнодушным взглядом околотов, убедилась в ходко бегущей к селению машине, плохо различимой в клубах пыли. Уже на въезде выявилась копейка – диковина предельная. Поравнявшись, агрегат встал и высунулась рожа в темных, невиданных очках и смоляных усах.

– Бабушка, где дом Вениамина Русских?

Агафья вальяжно, с грохотом свалила с плеча коромысло. Степенно разогнулась, венозной кистью туго сделала изгиб:

– Здравствуйтя, второй переулок направо, третья изба. Толькё нету – в поле.

– Жена, дети?

– В район укатили.

Мужчина поджал губы и почесал подбородок лощеными ногтями.

– А сельсовет где?

Жест рукой:

– Этта беги, ек жо по праву руку хабазина с таблисой. Нарядной дом, не промахнешь. Толькё... – женщина строго посмотрела.

Авто фыркнуло, взъярило пыль и резво покатило.

По обширному крыльцу сельсовета шумно протопали трое мужчин. Марья Ильинична, дородная зрелая баба в обвислой на бюсте блузке и складчатой цветастой юбке, делопроизводитель самого широкого масштаба, поливала цветы.

– Здоровы будем? – поинтересовался, сунув в открытую дверь голову, очки.

Ильинишна предусмотрительно замерла на шаги, круто повернула голову. Вопрос застал врасплох, кивнула головой не без испуга: «Здрасьте». Все трое вальяжно внедрились в светлую, просторную комнату.

– Понимаете, – с экономной улыбкой продолжил брюнет, – мы... э-э... в общем тут товарищи из столицы (указательный кивок головой). Артисты. Так получилось, летели в Тюмень, да сделали вынужденную посадку на некоем запасном аэродроме – ну, не будем конкретизировать, вы можете не знать. Доставили в Заблудово (районный центр), два дня получают пустыми. У товарища в вашем селе как раз проживает родственник. Вениамин Русских. Оказия.

Товарищ, на которого ладонью указал докладчик – тот вполоборота уныло рассматривал картину, примитивную поделку – молчаливо предоставил фас, шевельнул бровями. Высокий, объемистый, в несколько мятом, но броском костюме. Галстук. Третий, в легкой куртке, как и доводящий до сведения, сравнительно со спутниками невысокий, с правильными чертами лица, аккуратным пробором – ну да широко известно – стоял сзади, привалившись к косяку.

– Ага, ага, очень понятно. Оказия, как жо. – Ильинишна засуетилась. – Дэк... в поле Беньямин-от. Ой, господи... Пошлю буди парнишку. Вы присаживайтесь, это ведь не скоро. Господи!

Заполошно прыснула вон, тут же прибежал ее вопль. «Колькя!!!» Возня, неразборчивая и страстная речь минут пять, цокот копыт. Чернявый, пригнув голову, наблюдал в окно, остальные между тем освоили обшарпанный, покрытый дерматином диван. Громоздко вернулась. Модные очки осведомился:

– Председатель, я понимаю, тоже в поле?

– Как есть... Знаете что, айдайте ко мне. Тут три дома. Я и тесто поутре завела. И похлебку каку смастерим. Должно часа полтора ждать, не иначе.

Невысокий подал голос, судя по всему решающий. Мягкий и низкий, отчетливый и близкий:

– Вас как величают?

– Марья Ильинишна. Да Ильинишна, а то не поверят.

– Стало быть, я Володя. – Не поворачиваясь, растопыренными пальцами указал в родственника. – Павел... (Жест в направлении брюнета в очках, явно самого молодого.) Игорь Яковлевич.

– Ага. Ну так что?

– Отчего же... – Володя поднялся. Тронулись (авто, заперев, оставили здесь, укрепленные восклицанием Ильинишны: «Да ково ему сделатся»).

Ветхонькие прикладные постройки в ограде, куры, мощный двор в помете и проросших, бледных цветочках, кондовая справная изба с голыми стенами внутри из стесанных трещиноватых землистых бревен, домотканые дорожки, отменная прохлада, настоящий запах простой жизни.

Расположились в горнице, за обширным столом, куда споро улеглась вспорхнувшая свежая скатерть. С одной стороны приспособилась хорошо знакомая с тылами скамья, с другой были организованы два стула. «Вот, пока полистайте», – хозяйка гордо хлопнула журнал «Советский экран» двухгодичной давности. Далее хлопотливо скрылась. Володя курил в угодливо предоставленную массивную пепельницу, он с Павлом освоили скамью, Игорь Яковлевич расположился напротив, рассуждал:

– Погодка. Не помешает окунуться, я заметил прудок.

– А-то и рыбалку организуем, – согласился Игорь Яковлевич.

– Нда, порой думаешь – вот она, истинная благодать.

Неподвижно сидя, скопился Павел:

– Кто-то, помнится, благодать в предназначении разглядел. Дескать, благо не пользование, а воздаяние.

– Так оно, только тут и рабское сквозит.

– Сказал свободный человек, – вкрапил Игорь Яковлевич.

– Слушайте, на рыбалку здесь тянет, на словоблудие – нет, – посетовал Володя.

– Ищи во слове вдохновенье, во славе лишь отдохнове-

нье, – пафосно изрек Игорь Яковлевич.

– Ага, Ильинишна! Вы насчет помочь не молчите.

Женщина самодовольно несла через полотенце чугунок, сверху лежала дощечка и на ней каравай, ложки.

– Еще чего, вы – гости.

Возникли тарелки, прочее. Игорь Яковлевич с осторожностью нагнулся к чугунку. Павел взгляду не доверился, работал носом, подтвердил:

– Шти, – и, помотав, спустил галстук.

Снова вошла Ильинишна, на обширной сковороде еще шкворчала населенная яичница.

– Покамест, пирог через полчаса подойдет.

Далее кринка с молоком, сметана, литые малосольные огурцы, лук – стол приятно глазу терял размеры. Теперь только, собственно, по инициативе гостей, Ильинишна собрала куртки и пиджаки – у Володи под ней оказался пуловер-безрукавка – и отнесла в прихожую, что переходила в кухню. Оттуда прибежал скрип двери, мелкий разговор, затем появилась Ильинишна с настороженным выражением лица и строго вертикальной бутылкой водки, которую она держала двумя руками, прижимая к груди. Из-за ее плеча, вытянув шею, лупил шаренки парнишка лет десяти.

– Того самого, – поведала Ильинишна, – как повелось, не обессудьте.

Гости удовлетворительно обзревали натюрморт. Павел отвернулся и вздохнул:

– Какой же обед без того самого.

Граненые стопочки. Вмиг образовалась суетня с половником – похлебка аппетитно дымилась – Игорь Яковлевич разливал родимую, по половинке. Реплики. Ильинишна супом себя не наградила, отпластала один из холмиков яичницы. Подняла сосуд:

– Даже не знаю, так особенно, такие товарищи...

– Будем, – лаконично согласился Володя.

Смачно трапезничали – «М-м, огурчики на диво...» – Ильинишна ревниво наблюдала за производством. В двери, высунув из-за косяка полгруди и прильнув к нему щекой, аналогично поступал сынишка. Павел поинтересовался:

– А чего парня голодом морим?

– Ай-да... нахватался уже. Неча с взрослыми вертеться.

Брысь.

Парнишка скрылся, несомненно, оставаясь на месте. И впрямь, его лукавая улыбочка вскоре восстановилась. Тем временем Ильинишна, как человек сугубо государственный, деликатно соблюдала допрос:

– По какой части выступам?

– По широкой, – докладывал Павел, – как говорится, от и до. Вы какую предпочитаете?

– А песню. У нас хор невозможной, на смотр ездит кажон год. Две сольные партии веду. – Ильинишна поправила прическу.

– В самое яблоко, Владимир Семенович у нас большой

специалист, – охотно разоблачил Павел.

Володя хмуро сжал ложку в кулаке.

– Вы, Ильинишна, его не слушайте, большущий проказник товарищ Павел. В смысле, по песне-то мы шляемся, но списфически, а коль скоро в оказии, предмет отложен.

Павел явно с поддевкой пропел:

– Ах, не тщитесь, Володя, укротить вашу широкую натуру.

Володя мелькнул взглядом и тут же потупился, похоже, укоренный скрытым смыслом. Впрочем, голос его оставался ровен:

– Вообще говоря, мы по драматической отрасли профессионалы. А, скажем, Игорь Яковлевич, безбожный шахматист.

– Да подьте, – не скрыла ликование Ильинишна, – у меня муж шахматы люто обожает.

– В поле, как водится?

– Не-е, в больнисэ. Апендесыт.

– Таким образом за здоровье?

Не получилось, дверь шумнула и в окладе образовались две особы. Одна несла на себе короткую плиссированную юбочку и белую блузку, к груди сердито льнула тугая коса, являла девушку лет шестнадцати; другая хорошо старше, стриженная под горшок, была полна, что подчеркивало и вместе скрывало прямое плотное платье без талии, конечно, взятое не по промежуточному случаю, не говоря о нитке бус

– женщина интересная. Обоюдная характеристика – неистощимое здоровье и в глазах смесь испуга и ядерного любопытства.

– Ой, у те гости, – опасливо молвила старшая, – а мы по бухгалтерскому делу. Здравствуйтё. (Синхронный поклон.) Тожно после зайдем.

Павел, отклонившись от стола, строго измерил взглядом:

– Мы вас приветствуем. Отчего же непременно потом, бухгалтерское дело категорически не терпит проволочек.

В лице Ильинишны читалась некоторая растерянность, но заявление Павла подвигло к решительности. Она встала, обратилась к гостям:

– Наш передовик производства, Дарья (что в нитке), на все руки труженик: и в поле, и по счетному делу. Ее сестра сродная, Нина... из городу.

Между тем вывернула из угла пару табуретов, кратко посвятив женщин в обстоятельство. Вновь прибывшие поместились ближе к концу стола, старшая в торце. Приборы – впрочем, молодка сразу отказала жестом относительно стопки.

– Вот мы и спроворим тост у очаровательных гражданок, – не меняя выражение лица, запустил Павел.

– А чего, – живо откликнулась Дарья, отведя в сторону поднятую емкость, – не избежнём... Сталоть, за посещение. Такие граждане – ух! Очень нам отраднo, что коренной сельчанин имеет сродство. Мы на культуру сильно рассчитыва-

ем и смотрим всякого рода искусство с полным пониманием момента. Кланяемся, уважаемые представители! – Ахнула пайку весьма виртуозно.

Тост, прямо скажем, вызвал душевный отклик, что следовало из бодрого поглощения жидкости остальными. Дарья выявилась словоохотливой, отсюда пошел перечень общих достижений:

– А сосед наш, Василий Присыпкин – звеньевой и первой статьи умелец лобзика. Не опойка, ни-ни. Конечно, бывает – обыкновенно – но умеренность впереди. У него и брат не хлебнит, как Иван Ведерников. У того что ни будень – праздник. Раз нахалкался, потерял, конечно, сознание, до дому на телеге не доехав, в проулке. Вовка Ерчихин, тот шельмец, лошадь распряг, завел за прясло, телегу пихнул да запряг обратно. Ну, Иван проснулся, но-о – ни туды, ни сюды, как в песне. Перепугался – мол, бес посетил, утек. Неделю не пил, было дело...

Возник одобрительный смех. Дальше было поведано, что зоотехник Сальников жмет для случки с частными буренками коренных быков – и что это за жадность к даровому семени. А агроном Захар Антоныч от хора отлынивает, – хоть и не поддает вкрутую, но к Машке Спиридоновой, как у нее мужик сугубо вахтовый трудящийся, нередко сворачивает. «Палец в книге защежит и будто цитату каку норовит довести до сведения. Очень мы понимаем – цитаты. Наизусть».

Наклонившись за закуской, Павел искоса пустил взгляд:

– Вы, простите, замужем?

– Как же, бывший капитан войск – изобретатель неимоверный, людей смешить у нас куда с добром. Но не зюзя – факт... Гостям, впрочем, рады всегда, активно и в самом передовом ракурсе живем, – сделала резюме Дарья, озорно метнув взор на Павла.

Речь всесторонне симпатичной Дарьи обнаружила самое благостное расположение духа у мужчин. Павел оживился особенно, что разоблачил словесно:

– Замечательная похлебка. Я уже молчу за огурчики. Собственно, и прочее – самого уместного накала.

– Ой, – последовало восклицание Ильинишны, она живо, гремя табуретом, вскочила, – пирог! Хот же кулема!

Все участливо проследили. От открытого зева изумительно потянуло теплом пышного теста, на пояске печи нервно ожидала прокопченная кружка под топленое масло с кокетливым пером. Очень симпатично. Приятный шум печных приспособлений, вступил в зрение пирог на противне. Следом за маман торжественно и самодовольно влачил свежие полбанки белой парнишка – организмы мужчин обмякли. Пацан, имя ему нашлось Сережка, поощряемый Павлом, пристроился тут же и демонстрировал счастье. Последовало обустройство актуального чревоугодия, вся женская составляющая собрания активно участвовала.

– За урожай, – сделал заявление Владимир, когда процедуры улеглись, – да что там – за пахаря. Зрелища зрелищами,

коим служит наше сословие – чтимое, да, изрядно – однако хлебушко впереди. Не станем забывать.

Дружный взлет рук. Жевание, мычание – утробный гимн хлеборобу.

Дарья нашла, что обстоятельству недостает политического флера. Такие слова обнаружили подобное:

– А что – уделают наши америкашек на очередной международной сессии?

Женщина, понятная вещь, взглядом назначила адресатом Павла. Тот ответственно расправил плечи, однако поползновение снял явственный скрип ворот, затем крыльца и безусловно мужской топот по дому. Их образовалось трое. Рослый мужчина в косоворотке, русый, кучерявый, живой; второй, дядя гораздо поплоче в замурзанной механизаторской куртке, за которой красовалась изрядно польвованная тельняшка. Этот горячо улыбался, сверкая металлический фиксой. Последним скромненько мелькал парнишка лет тринадцати, по-видимому, Колька, гонец.

– Ну и кто здесь интересуется за Веню Русских! Ха, я так и знал, Павел Николаич! – шумел русый, ткнув пальцем в направлении Павла. Выкатил глаза на тельняшку. – А я что говорил! Пашка, итишкин кот, двоюродный братуха. (Павлу) Ну иди сюда, столица, тисну.

Павел уже встал, улыбался. Последовали крепкие объятия, радостные рукопожатия с присутствующими, оформленные горячими церемониальными звуками.

– И даже забудьте, всем кагалом ко мне! Что за фокусы? Ни-ни! – шумел Вениамин, при этом добротнo усаживаясь, и с должной сосредоточенностью наливая в расторопно предоставленные емкости. Уважительно, двумя пальцами поднял сосуд, остальные веером отставив. – Бог на рюмку, я на край, стукни, Веня, не хворай.

Пошло борзо...

Наконец стронулись к Вениамину. Ну да, вывалились вольно, однако в нескольких ребятишках – присутствовала и бабка Агафья на правах первого свидетеля – неукоснительных зрителях, содержался быстрее испуг, нежели радость феномену. Собственно, страда. Длились свободно, равномерно. Веня доказывал Павлу относительно родственников – почивших, разошедшихся и так далее. Периодически счастливо и крепко притеснял объятием брата.

Солнце поднялось и пекло, небо было спелым, отеческим, обольстительно горланили птицы, весело шумела роскошная листва в раскидистых тополях. Колеистые и бугристые пути, чарующие бурым, настырная зелень имели задиристость. Плетни и тыны, ухоженная поросль за ними ублажали глаз. Сытый хмель шел пространству необыкновенно.

Надо признать, дом Вениамина был обширен и ухожен. Соответственно сразу за оградой была организована экскурсия по амбарам и прочим пристройкам, уже далее весь гурт добросовестно отирая о металлический скребок обувь, степенно подымался на крыльцо и в сени. Стол уже был накрыт,

хозяйка, полная румяная баба, с достоинством клала небольшие поклоны: «Проходите, проходите, гостеньки. Рады, и не сказать». С Павлом свойски обнялась. Володя озорно приложился к ручке и Татьяна – имя сразу было озвучено – зарделась и приятно звенела смехом. К ней жалась девчужка с русой косой до крестца и нахальненько осматривала посетитель. Четырнадцатилетний сын, вихрастый Ванька, держался стеснительно и молчаливо. Впрочем, когда Павел его потрепал – «а ты, брат, вытянулся за пять лет» – тоже покраснел и стал неумолимо похож на мать.

Гамливо усаживались, особенно шумел Вениамин, руководил.

– Тереха, крои! – обращался к тельняшке, свою уделанную куртку тот оставил, должно быть, в предыдущем пристанище. – А как же! Ну, братуха, уважил. И не бывал ведь – очень славно!

Шло борзо.

Тем временем звуки на улице наполнились мычанием, бляением и иными тонами хозяйственных признаков: с пастбища прибыло частное стадо, пацаны и бабы руководили препровождением собственности в хлева. Вместе со скотиной налетел разномастный гнус, зажужжал слепень, увеличился и гомон оседлых пернатых, гуси ревниво хлопали крыльями. Мужики как раз расселись на завалинке, смолили и с удовольствием осматривали актуальную деятельность, Вениамин, окруженный дымом и кривясь от едкости, сурово и

молчаливо наблюдал за хлопотами второго эшелона семьи. Володя, провожая глазами солидного борова, что недовольно повизгивал под пинками дочери Вениамина, и неохотно направлялся в хлев, хрипло и блаженно рассуждал:

– Был случай в деревне, лет мне этак семь. Пацанва местная имела обыкновение гонять на хряках. Громоздилась на борова, тот совался дичать и носиться. Я, представьте, насквозь городской и к занятию не приспособленный категорически. Однако позвольте, кураж. В общем, приобщили: оседлал зверя, схватился за уши, ну и понесло. Ору, хряк блажит еще пуще. Ох и ристалище. Сковырнулся, поломал ключицу. Замечательно.

Из проулка вывернули новые лица, мужчина и две дамы. То были председатель с супругой и дочерью, миловидной особой лет восемнадцати.

– Аркадий Иваныч, – радостно прикладывал Вениамин руку к спине начальства. Супругу обозначил, аккуратно тронув локоток: – Надежда Артемьевна. Оленька.

Аркадий Иваныч осторожно кхекал и вытирал углы губ большим и указательным пальцами. Жена кисла от счастья, Оленька безбожно конфузилась, впоследствии неотступно прилипла к городской Нине и страстно пыталась о чем-то. В доме председатель молчаливо и категорически стукнул о столешницу бутылку коньяка, извлеченную из внутреннего кармана пиджака. Уже после второй рюмки впервые подал голос:

– Значит, так. Завтре элеватор первым делом посетим. Не думайте, на всю округу сооружение. А механическую доильную осваиваем!? Не пуп колупать, семнадцать литров надой вынь да положь... По идее можно и концерт сообразить. У нас реквизит внутренний, мы и в поле другой раз развернемся так, что ага.

Володя умильно глядел:

– Нет, ну... элеватор – а как же!

Павел улыбнулся:

– Утро вечера мудренее. Это я как специалист обещаю.

Игорь Яковлевич изящно взмахнул стопкой:

– А я предлагаю за социализм. Миру-мир тем самым.

Теперь же раздался мелодичный и вместе настырный голос:

– Я что-то не поняла! Без меня мероприятие. Просто даже и уму не совсем постижимо!

В горнице образовалась фигуристая, смазливая молодая женщина с редким платком на плечах, укрепленном перекрещенными руками, что особенно подчеркивало высокую грудь. Она павой и вместе хозяйски плыла к столу. Тотчас ей угодливо подоткнули табурет. Разумеется, все взгляды оканчивались теперь гражданкой.

Однако впрямь, веселые синие глаза, которых уже хватало бы всякой привлекательной женщине, еще и осанка, смелость и умелость речи глубокого, емкого голоса. Игорь Яковлевич, например, о миру-мир запомнил и тенькал тост о

стопочку чаровницы:

– Вот мы и порадуемся, и пригладим обстоятельство до-
морощенным манером.

Уж и тот факт, что случилась собственной персоной Ма-
ша Спиридонова – у которой муж вахтовый и к которой так
и норовят граждане с цитатами наведаться – навяливать из-
лишне. Как на распоряжение Терентий скрылся и вскоре об-
разовался с инструментом. Он радостно бухнулся в сторон-
ку на стул, метко расположил гармонь на правой половине
груди, душевно склонил голову и завел несколько дурным
тенорком:

– Получил по голове, и рубашка вся в крове!..

Дальше то ли содержания не знал, либо считал, что весь
смак истории пройден и остальное не стоит словесных за-
трат, стало быть, молча тянул меха, извлекая бравые зву-
ки. Впрочем, зная манеру, Ильинишна затянула свою пес-
ню, грамотно присоединились бабы, гармонист красочно и
прилично оформлял процесс... Следующий прилив самоде-
ятельности, сразу отметим, начался примерно так же, было
сообщено: «Эх, подруга в бигудях, знать, оформлена в б...
х».

Вообще говоря, каких-то особых приключении вечер не
явил. Гости умеренно доказывали достижения в культурной
области панибратским перечислением имен знакомых сель-
чанам по кино и новостям; те лупили глаза, прохваченные
жутью фактически непосредственного приобщения к высо-

чайшим моментам советского бытия. Разве образовавшаяся Агафья Макаровна, незаметно внедрившись и окунув рюмочку, угостила столь скабрёзными частушками, что прожженный Терентий от восторга начал свирепо топтать свободной от гармонии ногой, и приговаривать: «Иэх, в рот те дышло».

Вениамин, явившись, несомненно, первым номером текущего обстоятельства, надёжно охранял священные фигуры гостей. «Неча, неча. Пшел отсель», – например, отслонял изошедшего чувствами к Игорю Яковлевичу Терентия. Умиленный критически председатель часов в десять отчалил с семьей, чуть не оторвал в прощальной тряске руку Павла. Следом тронулась Маша Спиридонова, не склоняясь на смелые притязания шахматиста – деревня, сами понимаете, законы общежития выверенные и наглядные. Там и прочие группировано откланялись. Собственно, Терентий запропастился первым (был обнаружен рано поутру Татьяной в бане в состоянии счастливом). Славно ослабевший Володя укатал хозяев на романтизм, ночевку на сеновале. Павла и Яковлевича устроили в горнице, на диване и добротной раскладушке.

Утром из гостей Владимир и поднялся первым. Был доволен жизнью и свеж, ополоснулся в бочке во дворе. Тормошил друзей:

– Эй, охламоны, все зори кончились! Прозеваете зов природы!

Впрочем, поеживался и лазал по телу: происки сеновала, покалывало, конечно, постеленная кошма не оберегала. Охламоны от чудесного сна избавлялись лениво. Вениамин, отметим, уже находился в поле, занималась Татьяна. После обстоятельного завтрака и прений было решено посетить пруд. Квело и молчаливо тасовал пирог с молоком разбуженный под задачу Ванька. Снарядили и удочки.

Верно, утречко удалось. Сытая прохлада, ходко топающая в тепло. Окунулись для галочки, но угадали. После процедуры Ванька увел в кустистый, с осокой и камышом мысок. Павел и Игорь Яковлевич охотно последовали ловким рыболовным приемам племянника. Володя плюхнулся на богатую траву и отрешенно мечтал, вздрагивающий взор выдавал брожение образов.

– Однако, черт возьми... – не выдержал он брожения. – Теперь я понимаю, отчего мы употребляем. Для натурализма, во хмелю мы наги. Природа, юноши, это что при родах – рождение, творчество.

– А-а, вот отчего один знакомый остроумно записал недавно процедуру в музы. Что ж, назначить поэзию натуральностью – смело, а то и глубоко, – выразился Павел.

Яковлевич, как бы поражаясь излагаемому факту, вкратце:

– А мне, товарищи, Мария понравилась. Ей-ей, сюрреалистическая женщина.

Павел:

– Но разве не здесь истина? И натурализм вам, и поэзия.

Собственно, ты прав, женский контингент присутствует.

Володя не преминул прищемить:

– Ага, подлец, зыркал на Дарью, не отвертишься.

– А что – сам обозначил, натурализм.

Бог знает, в какие идеалистические высоты проложил бы тропу настоящий момент, и какому огорчению подверглась стремящаяся на сковороду рыба (собственно, Ванька со товарищи уже взяли определенную порцию), когда б в доступности не образовалось лицо. Чуни, шапка об одном ухе, держащаяся на плечах ветошь непонятного кроя. Персона без предисловий выковырял из закромов бесконечно замурзанных штанов флакон, наделенный вне сомнения жидкостью самогонного достоинства. Все настороженно замерли. Извлечение следом желтого, ядерного огурца, кажется, сопровождалось некоторым содроганием. Однако экзерсисы столличных штучек дед снял ловко:

– Угощаю.

Проникновенность этого слова оформило умозаключение Володи:

– Русский человек широк. Прошу запомнить это раз и навсегда.

Собственно, недавняя тирада обязывала – он энергично принял сосуд и запрокинул голову. Пузырьки, громкий звук проникающей влаги. Рубашка в нос. Физиономия, удостоверяющая окончательное согласие с ходом дел.

Надо сказать, Павел, которому была протянута емкость, выразил взглядом крепкое сомнение. Однако досадно упустить все краски дня, процедура последовала. Впрочем, влюбленный и уж этим полный Игорь Яковлевич отказался.

А дальше случился диспут.

– Ну-тес, господа изрядные, какими ветрами, тэсэзэть, занесло в наши палестины, – запустил дедок. – На какой-такой мякине, тэсэзэть, соизволили провести.

Артисты дружно впялились в деда и даже разжились небольшим онемением. Первым вышел из тишины Володя, имел азартный голос:

– Да никакими особыми привилегиями не наделены, уважаемый. Москвичи, присутствует. Так одним местом рожаны. Как обращаться прикажете?

– А Иван Спиридонич, знамо-понимательно. Отставной козы барабанщик и черта лысого шельма, – вытянувшись во фронт, пропищал дядя, – имею честь распространиться.

Неожиданно подал звук молчаливый прежде Ванька, насмешливый:

– Скипидарыч – чего там.

Дедок незамедлительно передернулся и визгливо попенял:

– Ты мне!.. Таракан запечный и курицы окурок! Цыть отседа! – Впрочем, теперь же обмяк и предъявил в улыбке редкие и плохие зубы, тон, справедливо будет заметить, получился сейчас покладистый и даже приятный. – Ненадеж-

ный народ – зеленым-холодно... Значится, артистических кровей. Ну-ну, доводилось, господа вас в переносицу, сопричастствовать. Позвольте предъявиться, провинциального драматического театра производственник и Гамлет будучи. Шестьдесят четыре выхода вынь и положи без коленкора.

Дедок озорно и живо щелкнул пятками на манер, должно быть, гусар. Игорь Яковлевич, скосив глаза на Павла, проворчал:

– А кто бы посмел сомневаться.

Дед тут же повалился на траву и соорудил презабавную рожу, беря еще содержащую бутылку, что после прикосновения поставил на землю Павел. Поднес к губам, кратко прокомментировал:

– Воздадим, выходит-входит, Мэльпомэне. – Глотнув, товарищ вполне красочно выбросил руку и отчеканил вдохновенно: – Вы уверены, что выжмете из меня голос моей тайны. Вы воображаете, будто все мои ноты снизу доверху вам открыты... Объявите меня каким угодно инструментом, вы можете расстроить меня, но играть на мне нельзя... Туд-эть-сюдэть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.